

17. Шведова Н.Ю. К изучению русской диалогической речи. Реплики-повторы // Вопр. языкознания. 1956. №2.

Foreign language vocabulary as a component of dramaturgic dialogue in the Russian comedy of the second half of the XVIII century

There is investigated the foreign language vocabulary as a component of dramaturgic dialogue of the XVIII century: revealed its ability to fulfil the function of constructive and semantic connections of cues, take part in creating different types of dialogues, reveal the specificity of a personage's comedy image, traits of the author's idiostyle. There are analyzed the semantic transformations of foreign language words, as well as their stylistic functions in the structure of the dialogical unity.

Key words: *foreign language vocabulary, Russian comedy of the XVIII century, dramaturgic dialogue, cueing system, means of communication.*

Ю.В. ТУЛУПОВА
(Волгоград)

**СЕМАНТИЧЕСКИЕ
ТРАНСФОРМАЦИИ ЛЕКСЕМЫ
«СЕРДЦЕ» В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ
М.А. БУЛГАКОВА**

Установлена структура лексемы «сердце» в произведениях М.А.Булгакова и показано, что она имеет а) понятийный слой (орган кровообращения); б) предметный слой (ощущаемый орган, ритмично/неритмично сокращающийся); в) образный слой, представленный тропеическими конструкциями (сердце – вещество, сердце – живое существо, сердце – движущаяся субстанция); г) ценностный слой, отражающий эстетические авторские оценки (сердце – центр личности и собачье сердце – воплощение и средоточие всего античеловеческого).

Ключевые слова: *семантика, М.А. Булгаков, лексема «сердце».*

В русском языковом сознании существует несколько значений слова *сердце*. Структура лексемы *сердце* на материале толкового словаря может выглядеть следующим образом:

1) телесный орган кровообращения; 2) центр, средоточие или вместилище чувств, переживаний, настроений; 3) характер человека; 4) орган восприятия; 5) любовь; 6) гнев, страсть [6, с.16].

Основным мотивирующим признаком лексемы *сердце* является «середина, глубина, внутренность», что контекстуально может подчеркиваться лексическим уточнителем в глубине: *Пальцы мои шарили по сухой, пылающей коже, я смотрел на зрачки, постукивал по ребрам, слушал, как таинственно бьется в глубине сердце, и нес в себе одну мысль – как его спасти?* [1, с.134].

Деструкция этого органа, нарушения в его работе либо остановка означают прекращение жизни: *Азazelло видел, как мрачная, ожидающая возвращения мужа женщина вышла из своей спальни, внезапно поблелела, схватилась за сердце и, крикнув беспомощно: «Наташа! Кто-нибудь... ко мне!» упала на пол в гостиной, не дойдя до кабинета* (Там же с.725). Возобновление же деятельности сердца означает продолжение жизни: *«Сердце-то есть?» – подумал он. – Кажется, оживаю... может, и не так много крови... надо бороться»* (Там же, с. 169).

Понятие середины имеет широкую область распространения: от центра, середины живого существа, до метафорически понимаемого центра – сердца – столицы государства: *Когда же настанет момент, я лично стану во главе армии и поведу ее в сердце России – в Москву* (Там же, с. 156).

Важным этапом анализа структуры лексемы *сердце* выступает рассмотрение образных признаков, основанных на представлениях о живой и неживой природе. Символом мертвой природы являются камень и лед. Холод, лед сердца ассоциируется с приближением смерти: *Он чувствовал, что женщина его тянет, что его левый бок и рука очень теплые, а все тело холодное и ледяное сердце еле шевелится* (Там же, с.169). Близость смерти в приведенном контексте подчеркнута глаголом и наречием меры и степени. Однако, как показывает анализ текстов М.А. Булгакова, холод сердца может быть вызван очень сильной и положительной эмоцией: *Он перевел взгляд повыше и разглядел фигурку в багряной военной хламиде, поднимающуюся к площадке казни. Маргарита слушала Коровьева, стараясь не проронить ни слова, под сердцем у нее было холодно, надежда на счастье кружила ее голо-*

ву. «Установилась традиция, – говорил далее Коровьев, – хозяйка бала должна непременно носить имя Маргариты, во-первых, а во-вторых, она должна быть местной уроженкой...» Коровьев выразительно ухмыльнулся, наклоня стан, и **опять похолодело сердце у Маргариты** [1, с. 613]. Контекстуальное окружение уточняет характер эмоции, меняя значение «–» на «+». Кроме того, в идиостиле писателя признаки положительного и отрицательного могут встречаться в одном контексте: **И тут от предчувствия радостного конца похолодело сердце бывшего сборщика** (Там же, с. 547). В приведенном фрагменте текста сочетание-оксюморон *радостного конца* одновременно вызывает ассоциации, связанные с радостью и предчувствием трагедии.

Сердце представляется как субстанция, которая может быть согрета: *Маргарита так и сделала. Козлоногий поднес ей бокал с шампанским, она выпила его, и сердце ее сразу созрело* (Там же, с. 609). Кроме того, сердце может быть интерпретировано как вещество, способное загореться, вспыхнуть: **Надежда вспыхнула в сердце Иуды. Он отчаянно вскричал: «Тридцать тетрадрахм! Тридцать тетрадрахм! Все, что получил, с собою»** (Там же, с. 609).

Сердце в произведениях М.А. Булгакова – живое существо, оно пугается, шалит, двигается, сосет, чувствует и т.д.: *В то время, как на Садовой слышались пугающие сердце колокольные удары на быстро несущихся со всех частей города красных длинных машинах, мчущихся во дворе люди видели, как вместе с дымом из окна пятого этажа вылетели три темных, как показалось, мужских силуэта и один силуэт обнаженной женщины* (Там же, с. 703); *Кроме того, Берлиоз охватил необоснованный, но столь сильный страх, что ему захотелось тотчас же бежать с Патриарших без оглядки. Берлиоз тоскливо оглянулся, не понимая, что его напугало. Он побледнел, вытер лоб платком, подумал: «Что это со мной? Этого никогда не было... сердце шалит... я переутомился. Пожалуй, пора бросить все к черту и в Кисловодск...»* (Там же, с. 385); *началось с обеда, и пошел нехороший тусклый вечер с неприятностями, с сосущим сердцем* (Там же, с. 184); *«Непременно придут, очаровательная королева, непременно! – отвечал Коровьев, – чувствует сердце, что придут, не сейчас, конечно, но в свое время обязательно придут. Но полагаю, что ничего интересного не будет»* (Там же, с. 639).

В знаменитой повести М.А. Булгакова «Собачье сердце» метафора *собачье сердце* является индивидуальным текстовым явлением, задаваемым проекцией смысла лексемы *сердце*, однако в сочетании с прилагательным *собачье* происходит актуализация двух противоположных признаков: 1) 'преданность, верность' (собачье сердце → верное, преданное сердце); 2) 'нечистота, паршивость, шелушность' (собачье сердце → нечистое, паршивое, шелушное сердце). Отрицательное смысловое наполнение словосочетания *собачье сердце* берет начало в древней славянской культуре, где собака считалась «нечистым» животным. Вот почему доктор Борменталь, ассистент профессора Преображенского, назовет Шарикова «человеком с собачьим сердцем», выказав тем самым крайне отрицательное отношение к этому существу, получившемуся в результате неудачного опыта. Как отмечает М.В. Пименова, звериные признаки сердца обычно оцениваются негативно [6, с. 79]. Поведение человека, подвергающееся негативной оценке, описывается как звериное, животное: *Еще бы, одни коты чего стоят! Человек с собачьим сердцем!* [2, с.195]. При этом необходимо отметить, что этой фразой доктор Борменталь искажает реальное положение вещей, т.к. фактически Шариков – собака с человеческим сердцем. Однако именно эта характеристика – «человек с собачьим сердцем» – позволила автору произведения подчеркнуть тяготение данного существа к отрицательному оценочному полюсу, тогда как противоположная (логически и фактически правильная) фраза привела бы к совершенно иному результату («собака с человеческим сердцем» – положительная эмоциональная характеристика поведения животного). Однако логическая подмена отчасти устраняется в следующем контексте: *Сообразите, что весь ужас в том, что у него уже не собачье, а именно человеческое сердце. И самое паршивое <сердце> из всех, которое существует в природе* (Там же, с.195), где подчеркивается, что Шариков – человек с человеческим, но нечистым, паршивым сердцем. Таким образом, полностью исключается положительный оценочный признак в рассматриваемом метафорическом словосочетании.

В произведениях М.А. Булгакова для сердца актуален признак движения. Действия сердца описываются предикатами движения, бегания, сжатия, щемления, удара, остановки, разрыва, ритмичного/неритмичного движения. Движение и физическое действие сердца ассо-

цируются со скрываемыми чувствами. Метафора конкретного действия и движения сердца передает различные ситуации волнения, гнева, эмоционального переживания: *И здесь ему показалось, что из-под двери кабинета потянуло вдруг гниловатой сыростью. Дрожь прошла по спине финдиректора. А тут еще ударили неожиданно часы и стали бить полночь. И даже бой вызвал дрожь в финдиректоре. Но окончательно его сердце упало, когда он услышал, что в замке двери тихонько поворачивается английский ключ* [1, с. 522]; *Тотчас сердце его упало, потом заколотилось часто, часто* (Там же, с. 193). В приведенных контекстах перемещение сердца описывается в парадигме вертикального движения. В данном случае сердце двигается по вертикали вниз, о чем свидетельствует сочетание *сердце упало*. Движение сердца сверху вниз является признаком описания ситуации страха, испуга, ужаса.

Движения сердца могут быть актуализированы метафорами конкретных физических действий-движений, например, разрыва, прыжка, стука, биения: *Четверть минути подожду, не более, а то сердце лопнет* (Там же, с. 231); *В это время в окно кто-то стал царапаться тихо. Сердце мое прыгнуло, и я, погрузив последнюю тетрадь в огонь, бросился отворять* (Там же, с. 516); *Но почерк не Тальберга. Как неприятно сердце бьется* (Там же, с. 236).

Биение сердца может быть разнообразным: медленным, частым, бесконечным, однократным, оглушительным, охватывающим все существо: *Сердце било, но трепетное, частое, узлами вязалось в бесконечную нить...* (Там же, с. 169); *Сердце Маргариты застучало, она тяжело вздохнула, стала сожалеть что-то* (Там же, с. 642); *Он внезапно перестал икать, сердце его стукнуло и на мгновение куда-то провалилось, потом вернулось, но с тупой иглой, засевишей в нем. Кроме того, Берлиоза охватил необоснованный, но столь сильный страх, что ему захотелось тотчас же бежать с Патриарших без оглядки. Берлиоз тоскливо оглянулся, не понимая, что его напугало* (Там же, с. 385); *Он лежал, слушая, как колотится его сердце не только в груди, но и в голове и в ушах. Отдышавшись немного, он вскакивал и продолжал бежать, но все медленнее и медленнее* (Там же, с. 546).

Иногда М.А. Булгаков метафору стука сердца связывает с неметафоричным употреблением глагола *стукнуть*: *Она приходила ко мне каждый день, а ждать ее я начи-*

нал с утра. <...> За десять минут я садился к оконцу и начинал прислушиваться, не стукнет ли ветхая калитка. <...> Стукнет калитка, стукнет сердце, и, вообразите, на уровне моего лица за оконцем обязательно чьи-нибудь грязные сапоги. Точильщик. Ну, кому нужен точильщик в нашем доме? Что точить? Какие ножи? Она входила в калитку один раз, а биений сердца до этого я испытывал не менее десяти. Я не лгу [1, с. 510].

Все приведенные примеры демонстрируют наличие субъекта действия, который обозначен словом *сердце*. Позиция субъекта действия может быть передана словом, называющим эмоцию, тогда в позиции объекта выступает слово *сердце*. Предикаты воздействия на сердце обнаруживают «телесность» сердца: в него стучатся, к нему подбираются, подкапываются и т.д.: *они – люди как люди. Любят деньги, но ведь это всегда было <...> Ну, легкомысленны... ну, что ж... и милосердие иногда стучится в их сердца...* (Там же, с. 495); *Горькая нежность поднялась к сердцу мастера, и, неизвестно почему, он заплакал, уткнувшись в волосы Маргариты* (Там же, с. 721); *Огонь стал оробиться, и один цепочный луч протянулся длинно, длинно к самым глазам Елены. Тут безумные ее глаза разглядели, что губы на лице, окаймленном золотой косынкой, расклеились, а глаза стали такие невиданные, что страх и пьяная радость разорвали ей сердце, она сникла к полу и больше не поднималась* (Там же, с. 229); *Черная тоска как-то сразу подкатила к сердцу Маргариты. Она почувствовала себя обманутой. Никакой награды за все ее услуги на балу никто, по-видимому, ей не собирался предлагать, как никто ее и не удерживал* (Там же, с. 631); *«Верно, верно! – кричал Коровьев, – верно, дорогая Маргарита Николаевна! Вы подтверждаете мои подозрения. Да, он наблюдал за квартирой. Я сам было принял его за рассеянного приват-доцента или влюбленного, томящегося на лестнице, но нет, нет! Что-то сосало мое сердце! Ах! Он наблюдал за квартирой! И другой у подъезда тоже! И тот, что был в подворотне, то же самое!»* (Там же, с. 639).

В произведениях М.А. Булгакова при описании сердца частотны метафоры веса (с легким/тяжелым сердцем), представляющие собой фразеологические единицы. Такие метафоры представляют сердце через признаки груза, тяжести, негативных эмоций: *Боги, боги мои! Как грустна вечерняя земля! Как таинственны туманы над болотами. Кто блуж-*

дал в этих туманах, кто много страдал перед смертью, кто летел над этой землей, неся на себе непосильный груз, тот это знает. Это знает уставший. И он без сожаления покидает туманы земли, ее болотца и реки, он отдается с легким сердцем в руки смерти, зная, что только она одна <успокоит его> [1, с. 732].

Выявленные в ходе анализа признаки лексемы *сердце* позволяют сделать следующие выводы. Лексема *сердце* у М.А. Булгакова имеет: а) *понятийный слой*, включающий этимологические, универсальные характеристики, а также словарные дефиниции, отражающие результат первичной категоризации человеком окружающего мира (орган кровообращения); б) *предметный слой*, который включает чувственно-воспринимаемый образ этого понятия (ощущаемый орган, ритмично/неритмично сокращающийся); в) *образный слой*, представленный тропеическими конструкциями, структурирующими когнитивное пространство (сердце – вещество, сердце – живое существо, сердце – движущаяся субстанция); г) *ценностный слой*, отражающий эстетические авторские оценки и коннотации (*сердце* – сокровенный центр личности и *собачье сердце* как воплощение и средоточие всего античеловеческого).

Литература

1. Булгаков М.А. Романы: Белая гвардия. Театральный роман. Мастер и Маргарита. М. : Современник, 1987.
2. Булгаков М.А. Собачье сердце // Собрание сочинений : в 5 т. М. : Худож. лит., 1989. Т. 2.
3. Васильев Л.М. Современная лингвистическая семантика. М. : Высш. шк., 1990.
4. Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков / пер. с англ. А.Д. Шмелева под ред. Т.В. Булыгиной. М., 1999.
5. Колесов В.В. Ментальная характеристика слова в лексикологических трудах В.В. Виноградова // Вестн. Моск. ун-та. 1995. Сер. 9. № 3. С. 130–139.
6. Маругина Н.И. Метафора в процессах текстопорождения: на материале повести М.А. Булгакова «Собачье сердце» и ее переводов : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2005.
7. Пименова М.В. Концепт *сердце*: Образ. Понятие. Символ : моногр. Кемерово : КемГУ, 2007.
8. Урысов Е.В. Проблема исследования языковой картины мира: аналогия в семантике. М. : Яз. слав. культуры, 2003.

9. Успенский Б.А. Изб. труды : в 3 т. М., 1996 – 1997.

10. Jackendoff P. Semantics and Cognition. Cambridge, 1993.

Semantic transformations of the lexeme “heart” in the works by M.A. Bulgakov

There is found out the structure of the lexeme heart in the works by M.A. Bulgakov and shown that it has a) conceptual layer (blood-vascular organ); b) substantial layer (perceptible organ, rhythmically/unrhythmically contracted); c) figurative layer, shown as trope constructions (heart – substance, heart – breather, heart – moving substance); d) value layer, which reflects aesthetic author’s assessment (heart – personality centre and dog’s heart – incarnation of everything antihuman).

Key words: semantics, M.A. Bulgakov, lexeme heart.

К.Р. ВОЛКОВА
(Елабуга)

АНТРОПОНИМЫ В ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТАХ Н.А. ДУРОВОЙ: ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Рассматриваются антропонимы художественного пространства кавалерист-девицы Н.А. Дуровой. Личные имена собственные проанализированы и классифицированы в соответствии с этимологическими и этнолингвистическими характеристиками антропонимических единиц.

Ключевые слова: антропоним, личное имя собственное, поэтоним, этимологическая характеристика, этнолингвистическая характеристика.

Надежда Андреевна Дурова известна отечественной истории как первая женщина-офицер, участница военных событий начала XIX в. Знаменитой кавалерист-девице принадлежит целый ряд литературных произведений, которые высоко оценили корифеи русской и мировой литературы А.С. Пушкин и В.Г. Белинский.